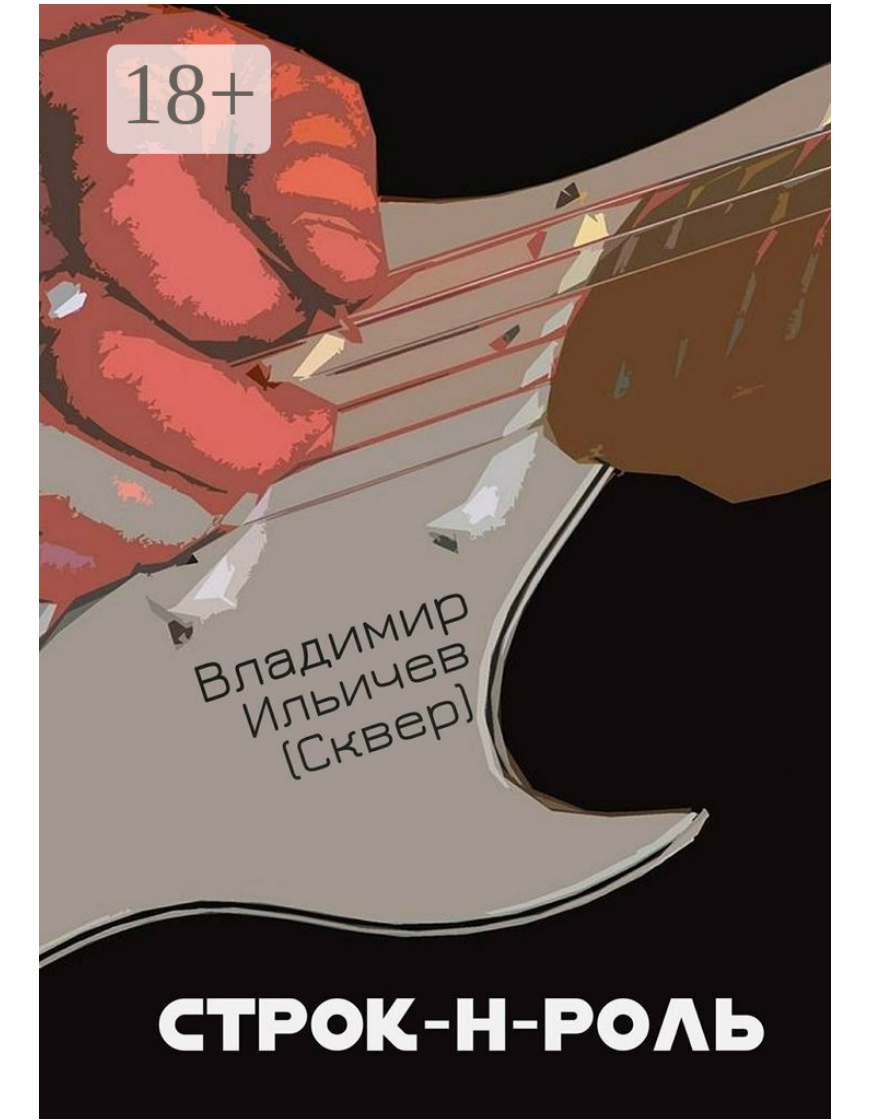

A stylized, high-contrast illustration of a hand playing a guitar. The hand is rendered in shades of red and orange, with a white rectangular box containing the text '18+' in the upper left corner. The guitar body is a light gray, and the neck and strings are dark brown. The background is black. The overall style is graphic and modern.

18+

Владимир
Ильичев
(Сквер)

СТРОК-Н-РОЛЬ

Владимир Ильичев (Сквер)

Строк-н-роль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22816584

ISBN 9785448369162

Аннотация

«Первым делом с утра – помолись, как сумеешь, не драя речей... Попроси, чтобы рос тамариски бежал без одышки ручей. Не бумажек себе попроси, а удачи планете своей, да не только родимой Руси — а планете, вот именно, всей»

Содержание

Биомузыка	6
Невашный человечешко	8
«Мы выживаем, нас выживают...»	9
Nach	10
М. Д.	11
«Рекламируете яды (это первое)...»	12
«День прошел, число сменилось...»	13
Впуская белое	15
Малюсенькая просьба	17
Антисектик	19
«Я повстречал её в начале девяностых...»	21
«Не сбейте вещи с толку – именами...»	22
На корме	23
Союзен	25
Чеснок	26
Соловьечество	28
Гроссмейстеры счастья	29
Волком Welcome	31
Любимцы	33
Айвалиния	35
«Как хотите... Считайте, что – выдохся...»	37
«Что воля, что неволя, всё равно» ...»	38
«Я совал тебе чудную палку ...»	40

Не тру-поэт	42
«Если Родину делят на секторы...»	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Строк-н-роль

Владимир Ильичев (Сквер)

© Владимир Ильичев (Сквер), 2020

ISBN 978-5-4483-6916-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Биомузыка

На кожаных диванчиках,
в наглаженных костюмчиках,
стреляя в небо глазками
сквозь окна и стыдок,
сидит илита *herova* —
опора государева,
втирает раю адское,
посасывает... сок.

На плановых объектиках,
в заплатанных спецовочках,
стреляя сигареточки
у женщин и детей,
мелькают объектоиды —
опора диваноидов,
сосут... но это мелочи,
идёт рабочий день!

В заброшенном посёлочке,
на древней раскладушечке,
в набедренной повязочке,
свеганив пир горой —
валяюсь кверху физикой,
пуляю биомузыкой,

живу... но к этой сказочке
пиши логин-пароль.

Невашный человечишко

Прокрысивное человечество
бензопилами пилит сук.
Суки, чё вам свербит... чё мечется...
Суицуки, я вам не друг.

Я планете друг, в силу мудрости,
на сыновнюю часть — моей.
Тут закон — векам из минут расти —
непроглядный для вас, людей.

Ясен пень — эти ваши скорости
перемелют всё в костный фарш —
но свербит вам ещё и ещё расти...
Чту закон. Ясен сук, не ваш.

«Мы выживаем, нас выживают...»

Мы выживаем, нас выживают
Нам на подкорке слова выжигают.
Внемлю индейцам, русским, евреям...
Внемлю всем людям, а верю деревьям.

Мы выживаем, нас выживают.
Год начинается. Пот прошибает.
Кот ищет ласки на уровне клеток.
Нотки слагаются, так или этак.

Мы выживаем, нас выживают.
С. Белониткин дела прошивает.
П. Чингачгукман, авось, не хиреет.
Молятся люди, а верят деревья.

Nach

Вы одержимые бумагой существа
с железным поводом к войне за одержимость...
А я вас выпустил, как жир, за три часа
и триста лет подпольных прав на матершинность.

Не собираюсь материться в этот раз,
но без конкретики имён в зеркальной глади
отобразятся – кабинетный дыролаз
и придорожно-однопалочные... дяди,

женщучки – тоже, рыбы в розовых мехах,
любовно содранных, железом, за бумагу.
Но я вас выпустил, как жир. Идущий nach —
я в это зеркало Herr'овое не лягу.

М. Д.

Людей затрахала рутина,
она – такая секси... у-у...
И чтиво типа Тарантино —
ещё куда ни шло, к селу.

К селу, с никнеймом Городище
(нет-нет, не ваш, не ваш район).
Рабочий люд – работу ищет
с душеспасительным рублём!

И чтиво типа этих строчек
противно вам (нет-нет, не вам),
пока паэт не сменит почерк,
пока, на крайний случай, сам

не сдаст он вольной жизни смену,
бездельник, бомж и словоплут.
А так – нельзя ему на сцену,
с которой вас... да-да... у-у.

«Рекламируете яды (это первое)...»

Рекламируете яды (это первое),
а потом противоядия (второе),
третье: двигаете слоган «Все мы смертные»,
где четвёртое – там рынок...
Файфик! Profit!

Но, во-первых, я, к примеру, яд не жалую,
во-вторых, гвоздично бодр, как Людовик,
в-третьих, мы, паэты, жизнь приемлем жадную,
так что, в-пятых (и в четвёртых) —
вы мне Pofig.

«День прошел, число сменилось...»

Если б каждый-каждый день
в мире что-то изменялось —
вы, земная светотень,
ощутили б сингулярность.

По-простому – единичность,
в полный втык неповторимость,
при которой всё: наличность,
мультиварка (или примус),

уши стен, диван под задом,
пол скрипучий, стол железный,
ТелеПутин и «РосАтом» —
всё могло бы вмиг исчезнуть.

Чтоб затем – на миг вернуться,
правда с вами не в коннекте...
Вам бы даже е... ануться
было некогда и негде.

Скучно? Ждёте изменений?
Х... ле ждёте? Изменяйтесь.
Меньше зла, корысти, лени!
Обнуляйте. Обновляйтесь.

А излишков нет в пункте —
Небо дарит гнев и милость.
Попросите, чтобы в мире
дох... я не изменилось.

Впуская белое

Когда заляпан жиром стол
и только водкой мыты рюмки,
не прячет щели Шерон Сто,
а в головах не будет Умки,

когда квадратное мурло
в углу рыгает новостями,
а за окном белым-бело,
но никого туда не тянет,

когда курносенькой весне
сдаёт мошенница квартиру —
стреляет ненависть во мне
из поговорки «Не до жиру...»

по контингенту за столом,
по квадратично круглой харе,
по одуванчику с баблом,
за то, что с девочкой нахален,

стреляет ненависть в окно,
как партизанка по фашистам,
проветрить надо, заодно
впуская белое с пушистым,

никто весну не рихтанёт,
скажи, ручная кофемолка,
пускай живое здесь живёт,
а мусор вынести недолго,

и, чтобы новенькой струне
звучать по полному ранжиру,
стреляет ненависть по мне
из поговорки «Не до жиру...»

Малюсенькая просьба

Вообще, конечно, это всё похоже
на долгий озорной эксперимент —
все эти чертыханья и «о боже»,
весь этот диснейвуд и голлиенд,

вся эта чистых мыслей писанина
и целая машина грязных дел,
вся эта, как её, что невзаимна
и носит две кольчуги против стрел,

все эти наши истинные цели
и драки у печатного станка,
весь этот грибоцарственный мицелий
под хилой ножкой скользкого царька.

Не видев протокола наблюдений,
хотелось бы... а можно... В общем, во:
я в теме — и как будто бы не в теме,
но против не имею ничего.

Однако есть малюсенькая просьба.
Кровищи бы поменьше на Земле.
И оптики невидящим подбрось, а?
А так — всего хватает. В смысле — мне.

Антисектик

Не вступайте, люди, в секту.
Ну какой вам в этом толк?
Ешьте мясо! Пейте смекту,
редуксин и валидол.

Догоняйтесь молочишком
от коровки на лугу!
Да, лужок большой не слишком,
полтора на два... в углу.

И убьёт коровку скоро
добродель-животновод,
слив отходы вам под город,
бросив рогом в небосвод.

Догоняйтесь, догоняйтесь.
Вам нужнее молока
только водка, да канабис —
для пробитий на ха-ха.

Ешьте куриц, пейте яйца
из куриных мокрых поп,
яйца чуточку грязнятся,
но идите смело в шоп.

Всё помыто, всё полито
химикатиком у нас.
Кстати, есть и для корыта
средство «Хрюша-самопас».

А зимой – носите шкуры.
На морозе волгнет мех,
но ведь шкуры – часть культуры.
Шкурной. Жаль, не без помех.

Богомерзкие веганы —
настоящая орда,
зеленеют с ними страны
и пустеют города!

Ешьте мясо, пейте смекту.
Что ещё за «свой укроп»?!
Не вступайте, люди, в секту,
я сказал – идите в шоп!

«Я повстречал её в начале девяностых...»

Я повстречал её в начале девяностых.
А потерял её к исходу нулевых.
И пусть работает любовь от переносок,
но мне технический стал нужен перерыв...

Смотрю афиши. Там она. Она там дважды.
Смотрю поближе. Показалось... Ни одной.
А Жора-дворник мнёт рекламу распродажи
и возвышает кучу сора надо мной.

Я буду ждать, я буду жить под этим стендом,
почти такой же план-проспект, что и не ждать.
Она жива, она причислена к легендам,
но там, в начале, нас... кружило... время-тать.

«Не сбейте вещи с толку – именами...»

Не сбейте вещи с толку – именами,
им тесно в конфронтации имён,
они и так тоскуют между нами,
а мы ещё и паспорта суём.

Не надо. Понимайте ценность вещи —
планета это, глобус, или мяч —
и ладно, и уже вы их нарече...
Не делайте табун загоном кляч.

На корме

«Какая долгая зима...» —
сопит обиженное племя,
и получает, задарма,
буквально завтра – завтрак-март.

«Зачем же время так летит?» —
грустит народ, напитки пеня,
и предвкушает впереди
обед горячий. Задарма.

«Ой, лета не было совсем» —
грешат под ужин дармоеды.
«Ой, скоро долгая зима» —
и предлагают сала, впрок.

Спасибо, жирного не ем.
Буквально послезавтра лето.
А лето – тёплая корма.
А осень – самый лучший кок.

Корабль времени идёт —
не сомневайтесь, верным курсом,
когда, зачем, и что грядёт —
не бойтесь, в курсе капитан.

Стою, жду солнца на корме,
едва из трюма, весь покусан.
Идите, солнышки, ко мне.
А нет так нет, сидите там.

Союзен

Если в солнце летят тряхомудии —
я союзен с горящими брызгами,
я стою при ответном орудии...
Не прощу никому ничего.

Караульте меня в графомании,
в эпигонстве ли, в злом анархизме ли,
но секите, что я на задании,
с лучезарной на пальце cheek.

Чеснок

Приезжая «няня» в хиджабе – убила девчонку
и вышла с её головой на просторы Москвы.
Вам стало до ужаса горько... Откройте сгущёнку.
А сколько голов за неделю отрезали вы?

Цыплячьих, куриных, телячьих, коровьих, слоновьих —
какой там у ваших «традиций еды» аппетит?
Нормальные термины – «стадо», «скоты», «поголовье»?
Вот гостя в хиджабе на вас точно так же глядит.

Глядит через нормы свои, через призму традиций,
не важно – рассудок помят или вера светла,
убила зачем-то – и этим, похоже, гордится.
Но вы же гордитесь культурой мясного стола.

«Не надо приравнивать к нам неразумных животных!» —
поди зарычите вы гневно. А я соглашусь.
Проглоты ресурсов – земельных, воздушных и водных —
отнюдь не животные. Вы! И ваш бог Урфин Джус.

Мне жалко девчонку. Я плакал (без твёрдого знака).
Молился о детской душе – на своём языке,
который всегда, абсолютно для всех одинаков,
пока не идёт рыба-власть по спокойной реке.

Вертлявая плоская власть, солитёрная погань,
за ней – экономик, политик, религий косяк,
где всяк разумеет и Бога, и Урфина-бога,
но Урфину-богу перечить решает не всяк.

Перечить удобно тому, кто незлой и незримый.
А Урфин – реально строгающий общество дед,
поэтому бог – это он, генерал агрессивный,
над вами, солдатами, с горькой ухой на обед.

И с чёрной икрой осетровых. Ведь вы же достойны
лишать незначительной жизни бессмысленных рыб.
Они же не смогут вести благородные войны.
Они же не скопят бумажных и войлочных кип.

Косяк вас питает собой, сотни лет, ежедневно,
дубовые мысли дрожат, солитёром кишат.
«Не надо мешать всё в одно!» – зарычите вы гневно.
А я вам отвечу, что надо, и буду – мешать.

Толстой говорил, повторяет серьёзный Задорнов
(а Уголев, Конев и Менский – научно кивнут):
пока вы смакуете трупы, ведомо, позорно —
вы пряник мясной для червя, перевитого в кнут.

Соловьечество

Человечество очень похоже
на поймавшего кайф соловья,
что запел, а прерваться не может,
льёт и льёт, полюбил сам себя.

Замаячили басни Крылова,
не свернуть бы на песенный лёд,
месяц март, искупаться – хреново,
заверну-ка назад... льёт и льёт.

Человечество очень похоже
на поймавшего кайф алкаша,
что запил, а прерваться не может,
обречённая синька-душа.

Надо делать какой-нибудь вывод,
типа «сам я всю зиму не пил»
или «птице отчаянной – вива!»,
Ладно. Я типа спел и пролил.

Гроссмейстеры счастья

Обычное дело: гроссмейстер дал крен,
накрылся доской, заорал «Ухи-ухи!»,
и в этом помог ему друг-джентльмен,
одетый в похожем гроссмейстерском духе.

Обычное дело: лохмейстер взял дзен,
обрёл свет и проигрыш свой (брюки тоже),
и в этом помог ему толстый Доцент,
бродяга и вор с отвратительной рожей.

А шахматы были двух разных цветов...
А шахматы били друг друга нещадно...
Я «белый». Но «чёрного» бить не готов
(готов – только если он мне припечатал).

По-разному было. Случалось, играл
и я в эти якобы умные игры,
доской получал, «Ухи-ухи!» орал,
спасали, бывало, заморские тигры.

Нет разницы – кто я, во что я одет,
какие пигменты – в твоей тёплой коже,
врубись в парадокс: темнота это свет —
пока для тебя самого свет возможен.

Проникнись феноменом: свет это тьма —
пока для тебя они врозь, а не вместе.
Гроссмейстерам счастья – не надо ума,
уже всё по-умному сделал Богмейстер.

Волком Welcome

А скорость понимания быстра ведь,
Макларена, пожалуй, побыстрей:
достаточно всего на миг представить
себя одним из них – лесных зверей.

Лисой, медведем, рысью, белкой, волком...
На выбор, там любой – мудрее нас.
Пока мы в шопе кланяемся полкам —
зверье живёт как Боженька подаст.

И, если бы не мы, лесная щедрость
не знала бы ни сроков, ни границ.
Пока нам продавщица Ада чек даст —
психолог Рая им предложит блиц.

Вы скажете: у нас же медицина!
Вы скажете... Разносчики... газет
и пропасти комфорта, made in China.
«...in Russia», да? Различий сильных нет.

Но скорость понимания быстра ведь,
быстрей, чем из флакона суперспрей:
достаточно всего на миг исправить
повадки лесопилящих зверей.

Любимцы

«Ты должен подарить надежду людям,
а ты их в лужи тычешь, как котят!»
Всё правильно. Давайте-ка не будем
котят учить... И лужи – победят.

И вынесет хозяев за порожек —
не жёлтая река, так запахан.
Кошачий корм покажется дороже.
Отчётливей задышится богам.

Да, кстати, о котятках. Не держите
животных в казематах городов.
Зверь это зверь. Природы, воли житель,
хотя бы – сельских улиц и дворов.

Там, знаете ли, мышки обитают —
кошачья первозданная еда,
там зайчики лесные пробегают —
собачий пир. Ни кассы, ни вреда.

Собаки, между прочим, не загнутся,
в отличие от кошек, без «мясца» —
на случай, если зайчиков не густо.
...Любимцев – отпустите. Есть места.

Но вам же (шта?) придётся переехать,
самим – растить морковь и картофан,
вам, лужисто идущим до успеха
по собственным несчастным головам!

Отмажьтесь: там тоска, там нет работы.
А чем же зарабатывать на жизнь —
собачью, и свою, и обормота,
набившего котами этажи?

Больными вертикальными котами,
смотрящими, с надеждой, из окон
за битвой обормотов на татами —
за правду, за порядок и закон! (шта?)

Да, кстати, о поэтах. Мало нынче
подушечкой таланта оставлять
катрены с энергетикой да Винчи,
поэт – не кот, он – карма. Ясно...?

Айвалиния

«Держись только тех, кто тебя поднимает наверх» — неплохо, сказал бы – с начинкой, но есть непонятка. Вот слово, три буквы... Неправильно. Слово – на «р», хорррошее: Рай. Так зачем – улетать от порядка?

Нет, ежели слово другое, плохххое, то – да.
Но вряд ли в Раю возникают проблемы с интимом.
Во всём остальном – что дала эта сверхсуета,
что толку в развитии – быстром, БОЛЬШОМ, эффективном?

Зачем – «добывать, добывать, добывать... добывать»?
Зачем – «прогрессировать» так, что целуется – ботокс?
Зачем – истребляя сады, пить какой-то «инвайт»
(сейчас уже «сок»... из отходов «Nayobyway Motors»)?

Зачем – убивать миллиардами тварей живых,
от жора самым же страдая по полной программе?
Поищем виновных? «План Даллеса»? «Янки»? «Жидаы»?
Да нет, дорогие, вы всё выбираете сами...

От вырванных крыльев на «лёгкий изысканный ланч» —
до «нового гаджета». «ГАД ЖЕ ТЫ» – слово-то, бляха!!!
Плохххое, похххуже того... Вам сойдёт – за калач,
пока не критично трещит коллективная ряха.

Ну что, драгоценные, скажете, в чём же прикол?
Я долго смотрел – и не видел особого кайфа,
не то что лететь – вы не в силах идти далеко.
Смотрите, как тянется вверх плодовитая айва.

Она **ОСТАНОВИТСЯ** там, где **ДОСТАТОЧНО** ей
(хотя, между прочим, единственный чайтель рода).
«Держись только тех, кто тебя может сделать мудрей» —
ловите, с начинкой, с энзимами, бренд Ма Природа!

«Как хотите... Считайте, что – выдохся...»

Как хотите... Считайте, что – выдохся.

Усмехнитесь. Подмажьте болты.

Я исполнен желанием вырваться,
минимально касаясь толпы.

Чем, когда вы себя уничтожите —
попытайте в себе саранчу.

Как хотите... Дай Бог, что-то сможете.
Плотный занавес. Я так хочу.

«Что воля, что неволя, всё равно» ...»

«Что воля, что неволя, всё равно» —
ведёт вас обкумаренная Марья...
А мне сети аптечной не дано.
Набато́м бы лечить, да не звонарь я.

Тесал, тесал, стесал еловый гнев
на ваших головах, и нет второго.
Фамилию сменил на «Антигреф»,
богат стал, как индийская корова.

За это вы порвали на куски,
сначала истредав до гноя вымя,
для нормы В12 у тоски,
для кальция достаточного в дыме...

Воскрес под псевдонимом «Антигрех»,
не стал святым, ан святости посеял.
А вы пошли от мест волшебных тех
к местам, где «настоящая Расея».

Забил... себя... крестом у родника.
Скорее даже верным знаком плюса.
Мне верилось — вот-вот, наверняка,

вернётся туристическая туса.

«Что воля, что неволя, всё равно» —
ведёт вас гид, обкуренная Марья...

И мне уже не верится давно.

Убил бы, твари, вас. Да кто я? Тварь я.

Клубился в голове и в лёгких дым,

терзал я вымя плачущей корове.

Очнитесь, люди... К прежним и другим —
к себе — хоть обернитесь на дороге.

Я щепка, крестик, нолик на пути,

но в сказке, переписанной для стада,

куда вы с Марьей можете прийти,

надеясь на контрактника-солдата?

«Я совал тебе чудную палку ...»

Я совал тебе чудную палку —
для инсайта глубинных структур,
но, увы, ты увидела скалку,
и орудие выделки шкур,
и оружие против Вселенной,
у которой, опять же, был мех...
Я, охранник армейской пельменной,
отучился от мирных утех.
Ты заставила строить подсобку
и себя там – в наряд – ублажать,
нажимая на красную кнопку.
Я боялся, я мог налажать.
Ты сказала, что наши потомки —
наш военно-таинственный смысл,
ты втянула из тонкой соломки
лошадиную кровь и кумыс.
Мы убили Вселенную-лошадь.
Оказалось, что мех – ни о чём...
Ты набитая дура. Я тоже.
Впрочем, я остаюсь при своём.
Ухожу от тебя, к обезьянке,
поднимающей палку как дар,
и не любящей спать на стремянке...
Я к тебе не вернусь никогда.

Не тру-поэт

Поэт и трупоед несовместимы...

Поэт – певец гармонии, а в той
живут незаменимые энзимы,
гонимые мертвечиной пустой.

Поэт и трупоед не совместимы
в пределах одного из бранных тел.
Не можем чушь прекрасную нести мы,
когда нас безобразный кто-то съел.

Поэт и трупоед не совместимы
в пределах созидющей семьи,
союз отца мелодий и Бастинды
закончится конфликтом Ре и Ми...

Поэт и трупоед не совместимы
в пределах самой древней из культур,
к примеру, ангел-критик, мной бесимый,
разводит и раскармливает кур.

А ты решай, ты пой – зачем ты, кто ты,
и если – я – не то тебе пою,
то... лей незаменимые кислоты
на душу, на гармонию мою.

«Если Родину делят на секторы...»

Если Родину делят на секторы,
на цвета – каннибалы и лекторы —
неужели я должен потворствовать,
на работу – за мел и колор – вставать?

Если Родину пичкают ядами,
покрывая желтушными пятнами —
неужели я сдохну от гордости
патриотом химической отрасли?

Если Родину взяли за лёгкие —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.